

Артистический подвиг

Представлено на Ленинскую премию

ПОИСТИНЕ необыкновенна судьба этого музыканта. Мировое признание и бесконечный ряд триумфов, восторженное единодушное критики и любовь всех, кто слушал его хоть однажды, — все это пришло к Мстиславу Ростроповичу еще в юности. И сегодня просто не верится, что ему не исполнилось и тридцати пяти лет, — так давно вписалось имя этого артиста в книгу блистательных побед нашей музыкальной культуры.

Стремителен его взлет к вершинам музыкального Олимпа. В 14 лет он заменяет своего отца в качестве преподавателя музыкального училища, в 17 — поступает в Московскую консерваторию и уже через три года оканчивает ее, еще два года — и завершена аспирантура. Дальше — список успехов на всеоюзном и международных конкурсах: Москва, Прага, Будапешт, снова Прага — везде первые премии (недаром позднее зарубежная печать окрестила его «советским чемпионом мира по виолончели»). В 24 года Ростроповичу присуждается Государственная премия; в 32 года он становится профессором Московской, а затем и Ленинградской консерваторий.

В чем причина столь бурного расцвета дарования замечательного художника? Каждый, кто следил за творческим развитием Ростроповича, кому посчастливилось узнать его как музыканта и человека, скажет, не задумываясь: дело здесь не только в феноменальной одаренности, но и в неуемном горении, в грандиозном труде, который ведет артиста к непрерывным поискам, к новым творческим завоеваниям.

Чайковский однажды заметил: «Нужна громадная талантливость, необходима сложная совокупность внутренних качеств, чтобы победоносно привлекать внимание публики на эстраде с виолончелью в руках». Всем этим обладает Ростропович. В исполнении сочинений любого масштаба, жанра и стиля на первом плане у него — глубокий замысел, которому строго подчинены детали. Слушателю всегда кажется, что произведение словно рождается заново под волшебным смычком Ростроповича, так активна, далека от объективизма его интерпретация. Эта черта позволяет ему всегда увлечь аудиторию.

Ростропович обладает чудодейственным свойством делать сложное простым, понятным, но только искусственному ценителю, но и человеку, который только входит в мир музыки. Содержательность интерпретации, постоянное стремление к

философскому постижению музыки, отмечающее всякие внешние эффекты, — эти черты творческого почерка Ростроповича отражают лучшие традиции отечественной исполнительской школы.

РОСТРОПОВИЧ — прежде всего музыкант, а затем уже — виолончелист. Но какой виолончелист! Один из критиков писал: «Он сделал музыку частью самого себя, а себя — частью музыки, и это создает впечатление, что он вдыхает самую жизнь в музыку, а не просто играет ее». Конечно, Ростропович достигает таких высот также и потому, что он постиг все тайны инструмента. Вспомним, как выразительна его мелодическая фраза, какое богатство тембровых и динамических красок, от «скрипичных» до «контрабасовых», какое безупречное чувство формы! Трудно не согласиться с одним из видных голландских музыкантов, который сказал, что техника Ростроповича унаследована им от самого Паганини...

Необыкновенная разносторонность вкусов и интересов музыканта наиболее ярко проявляется в репертуаре. Когда слушаешь его концертные программы (а каждая из них обязательно приносит что-нибудь новое), то кажутся просто смешными жалобы иных артистов на скудость виолончельной литературы. Ростропович играет практически все, что создано для этого инструмента: от монументальных полотен Чайковского или Дворжака до миниатюр Дебюсси, Шопена, Скрябина, от редко исполняемых концертов (например, Эльгара или Онеггера) до виртуозных пьес Паганини или Поппера, от сочинений старинных мастеров до сонат Брамса, Грига, Рахманинова. Надолго запомнились любителям музыки циклы, включавшие все шесть сюит Баха для виолончели соло и все бетховенские сонаты, сыгранные Ростроповичем в неповторимом ансамбле с Рихтером, и многое, многое другое...

Все, о чем мы говорили, конечно, неотъемлемо от творческого облика Ростроповича. И уже это определяет его место в ряду виднейших музыкантов современности. Однако эти черты, в том или ином индивидуальном преломлении, по-разному присущи каждому действительно большому художнику. Но есть у Ростроповича драгоценные свойства, которые делают его заслуги перед советской, да и перед мировой му-

зыкальной культурой особенно весомыми.

По сути дела именно этому артисту мы обязаны — и в этом нет преувеличения — рождением советского виолончельного репертуара. Еще совсем молодого Ростроповича связывала тесная творческая дружба с гениальным Прокофьевым. «Меня особенно привлекает в Ростроповиче, — писал композитор, — глубокое проникновение в сущность исполняемого им произведения, серьезное, ответственное отношение к составлению программ, безупречное мастерство исполнения. В течение длительного времени мне довелось работать совместно с Ростроповичем над моим виолончельным концертом. В этой работе он проявил себя как превосходный, вздумчивый, тонкий музыкант, в совершенстве знающий свой инструмент».

Посвящение Мстиславу Ростроповичу стоит на титульном листе многих сочинений Прокофьева, Мяковского, Глиэра, Шостаковича, Шапорина, Шебалина, Кабалевского, Левитина, Голубева, Бабаджаняна. Все они писали музыку, считывая на исполнительские возможности именно Ростроповича, на его страсть к новому, стремление пропагандировать советскую музыку. И Ростропович очень часто был первым исполнителем и в нашей стране, и за рубежом десятков произведений советских авторов. Об этом свидетельствуют и московские афиши нынешнего сезона.

ЕСТЬ НЕМАЛО таких музыкантов, чье искусство сверкает лишь в красивой оправе крупнейших концертных залов. Разве не грустно сознавать, что игрой иного нашего артиста из года в год наслаждаются парижане, а любители музыки во многих уголках Советской страны знают его лишь по запи-

сям! И Ростроповичу рукоплескали восторженные слушатели Нью-Йорка и Лондона, Парижа и Копенгагена, Праги и Буэнос-Айреса, Мельбурна и Варшавы... «Непревзойденный виолончелист», «русский волшебник», «великий музыкант», «бесподобный властелин инструмента», — такими эпитетами осыпали его газеты всего мира. Но слава никогда не заслоняла от него главной цели — донести музыкальную культуру до самых глубин народа, приобщить широкие массы к прекрасному и благородному искусству музыки. Такую задачу прежде всего ставит он перед собой. Ставит и воплощает в жизнь.

Десятки концертов ежегодно. Его слушали на Кавказе и в Средней Азии, на Украине и в Поволжье, в Прибалтике и на Урале. Ростропович — постоянный гость и в подмосковных совхозах, и в городах Сибири. Его не смущают никакие трудности — отсутствие рояля, опасения скептиков: «Виолончель — в колхозе?!». Концертной эстрадой служили ему полевые станы, палубы пароходов, цехи заводов, кузова грузовиков... Нет рояля — Ростропович выступает в сопровождении баяниста. Разве музыка, если она настоящая, если в ней бьется сердце большого художника, становится от этого хуже? Спросите об этом тружеников алтайской целины, шахтеров Черемхова, строителей Игарки и Норильска, рабочих Красноярска и Дудинки, энергетиков Ангары и Оби...

Так артист ломает привычные представления о камерном инструменте — виолончели, становится музыкантом-просветителем. И поэтому деятельность Ростроповича нельзя назвать просто блестящей исполнительской карьерой — она заслуживает того, чтобы именоваться артистическим подвигом, подвигом, который совершается им ежедневно.

Л. ГРИГОРЬЕВ,
Я. ПЛАТЕК.